

ЧЁРНО-БЕЛАЯ БЫЛЬ О МАШЕНЬКЕ

Глава первая (чёрная)

ХОРОВОД

Привет, привет, читатели, девчонки и мальчишки! Знакомьтесь — это Маша, героиня нашей книжки.

Я — Машин папа, здравствуйте, дочурки и сынишки.

Маше чуть больше шести. Маша, она такая... Я даже не знаю точно, хорошая или плохая.

«Ой, сад во дворе, ой сад во дворе, ой сад во дворе растилается!» — это Машенька поёт-заливается.

Славно, волшебно в осеннем саду, где солнышка лучик усталый тихо сияет, искрясь на лету, янтарной капелькой малой.

Где же мои очки, без них ничего не вижу. Ребята, скорее бегите ко мне, смелей подходите ближе.

«Народ у ворот, народ у ворот, народ у ворот собирается!» — это Машенька поёт-заливается.

Народ и впрямь собрался у ворот в осенний парк чудесный. Слушают люди, как Маша поёт, всем весело и интересно.

«Цветите цветы, цветите цветы, цветите цветы все лазоревые», — Маша и есть цветок с глазами размером с море.

«Расти-поспевай, расти-поспевай, расти-поспевай, поспевай урожай». Пляши-подпевай, пляши-подпевай, пляши-подпевай, веселись, не зевай.

Все в хоровод, он нас понесёт в пламенной пляске по кругу. Руку мне дай, рядом вставай. Друга возьми иль подругу.

В центре ромашки — её сердцевинка, солнечно-жёлтый кружок. Внутри хоровода, словно с картинки, лихо вприсядку, с носочка на пятку, Маша летит, как кленовый листок.

Нежданно-негаданно ветер холодный вдруг долгой и тёмной повеял зимой. Сердце забилося. Что-то случилось. Что-то случилось со мной.

Не верю глазам, не узнать стало Машу. Злобой наполнился взгляд. Счастье большое, красивое наше тарелкой разбилось, осколки звенят.

Всё потому, что одна из девочек вышла, рискнула с Машею встать. Тоже хотела не в хороводе, а в центре его блистать-танцевать.

«Мой хоровод, — Маша орёт, — тебе и другим, разинув рот, можно лишь мной восхищаться.

Смотреть на меня и слушать меня, вперёд меня не соваться!»

Что-то случилось со всеми, что-то случилось со мной. Из парка промозгло-осеннего люди грустно бредут домой.

Глава вторая (белая)

КОНКУРС

Мальчишки в футбол играют. Судья назначает пенальти. Девчонки собрались в сторонке, рисуют они на асфальте.

Рисуют-колдуют девчонки,гибают гибкие спинки. Девчонки придумали конкурс — на лучшую на картинку. На самый лучший рисунок на чёрно-сером асфальте. Мальчишки в футбол играют. Судья назначает пенальти.

Мальчишки о том мечтают, чтоб гол красивый забить. Девчонки о том мечтают, чтоб в конкурсе победить. Мелков не жалеют девчата, всё тают и тают мелки. И ног не жалеют ребята, голы ведь в футболе, ох, как не легки.

Трелью залился финальный свисток. Решающий мяч забит. Чёрный асфальт — не белый листок, лишь до дождя рисунки хранит.

А по небу как назло, как нарочно бродят тучи. До дождя бы нам решить, чей рисунок всё же лучший.

Здесь цветов букет — стоцвет. Там — смешной гиппопотам. Здесь — закат. А там — рассвет. Море — здесь. А там — планет вокруг солнца рой роится. Кругом голова кружится. Здесь — родители. Там — школа. Здесь — строители. А там — летний ливень, смех весёлый, в новом доме новоселы и арбуз напололам.

Вот и выбери попробуй, чей рисунок нам назвать самым добрым-распрекрасным, самым ярким, самым страстным... Как решить, не ошибиться, но нельзя ведь не решать.

Все художницы старались душу сквозь мелок излить. Все художницы стремились чувства-мысли воплотить. Воплотить в рисунке чувства. О, великое искусство!

Все художницы старались, все художницы стремились. И рисунки удались. И картины получились!

Вот и выбери попробуй, чью картину нам назвать самой доброй-распрекрасной, самой яркой, самой страстной... Как решить, не ошибиться, но нельзя ведь не решать.

Над рисунками склонился весь большой наш дружный двор. Разговор течёт рекою — об искусстве разговор. Вскоре этот разговор превратился в общий спор.

А в том споре побеждали те, кто Машу называли за картину «По-

дорожник» — «лучший во дворе художник».

Казалось, радоваться Маша должна. Казалось, достигнута цель. А Маша взяла ни с того ни с сего и выкинула фортель.

Убеждала, убедила всех вокруг чудачка Маша, что в конкурсе победила с рисунком «Мама» — Даша.

Сказано — сделано, единогласно решили, не Маше, а Даше победу присудили.

Тут и тучи свинцовые как в отбеливателе вскипятились, в облачка невесомо-белые как по волшебству превратились. Повисели над нами минуточку и растаяли, удалились.

Вышло солнце, и даже сейчас те рисунки всё радуют глаз.

Маша, почему же ты так поступила, скажи нам честно и прямо.

«Всё просто: ведь у Даши тяжело заболела мама».

Глава третья (чёрная)

КУПИ

Если Маше что приглянулось, не становись у неё на пути. Купи лучше сразу всё, что попросит. А то будет хуже, купи.

Если Маша чего-то попросит, ты не посмей отказать. Иначе

поплатишься тут же жестоко. Маша умеет громко кричать.

И опозорит тебя, и унизит, криком возьмёт на измор. Катятся слёзы, губы кривятся, люди вокруг начинают смеяться... Бр-р-р, лучше съесть мухомор.

«Купи, купи!» — вовсю блажит Маша. «Купи, купи!» — в ушах стоит. «Если не купишь, значит, не любишь» — Маша всегда так говорит.

Есть ли такая игрушка у Маши, денег ли нет, ну и что ж! Если понравилось что-либо Маше, сдайся, купи, вынь да положи!

Глава четвёртая (белая)

КОПИЛКА

Маша у окна стоит. Заусенец снимает косметической пилкой. Ей недавно подарили в форме слоника копилку. И теперь копилка-слоник обживает подоконник.

Слоник с прорезью на спинке, на ногах его ботинки, прям мальчишечьи ботинки у копилки, у слона. Восхищалась этим Маша, и смеялась звонко Маша, и весельём наша Маша целый день была полна.

Ну, а слон был пуст и гулок, он не ел бананов, булок. Да и хоботом длиннущим он листочков не срывал. Он на всех смотрел просяще, он же слон не настоящий,

потому что он — копилка, всё монеток слоник ждал.

Что поделаться, как тут быть, слону нравилось копить. Что поделаться, как тут быть, Маше нравилось копить. И в слона рубли летели, в животе его звенели. И копилка пополнялась, потихоньку наполнялась.

Маша по двору слонялась, да всё под ноги глядела, очень-очень рубль Маша на земле найти хотела.

И у мамы с папой рубль всё выклянчивала дочка. Скоро слоник стал тяжёлым, как наполненная бочка.

Никого к своей копилке Маша близко не пускала, всё боялась, что оттуда кто-то что-нибудь возьмёт. И уже тот полный слоник позабыл про подоконник. Под подушкой у Маши слон наполненный живёт.

Как-то раз зашли мы с Машей в супермаркет дорогой. Всё там было. Что захочешь — моментально под рукой. Там одних конфет полтыщи, ввек не сможешь всех отведать. Смотрим, стоит мальчик нищий, он сегодня не обедал. Не обедал и вчера. Это жизнь, а не игра.

Вот стоит он, не отходит от витрины от мясной. В рваных, стоптанных ботинках, грязный, маленький, больной.

В магазине на витрине сто колбас лежали в ряд. Никогда мы забудем детских глаз голодный взгляд. Никогда мы не забудем детских глаз голодный взор. В них укор всем сытым людям. Взрослым чёрствым всем позор.

Сердце гулко колотилось, будто кто-то бил в набат. Человек для человека ведь не волк, а брат, а брат! Брат нам мальчик незнакомый, пусть он грязный и больной. Маша в руку мне вцепилась: «Папочка, бежим домой!»

Ни секунды не теряя, слёзы горькие глотая, Маша извлекла копилку, да как хрястнет ей об пол. Ни секунды не теряя, мы монетки подбираем. Занимают те монетки раскладной большой наш стол.

Я стою и чуть не плачу, вот такие вот дела. Вы, наверно, догадались, кому Маша все монетки, все монетки до единой, без остатка отдала.

Я стою и чуть не плачу. Я сегодня стал богаче.

Глава пятая (чёрная)

РАНЕННЫХ ВЕЗУТ

Есть у Маши бабушка — бабушка-рассказушка. Бабушка-старушка — добрая душа. Бабушка у Машеньки вроде бы обычная. Ведь любая бабушка страсть как хороша.

Маша для бабушки — свет в оконце. Маша для бабушки — небо и солнце. Маша для бабушки — милая деточка, на дереве старом зелёная веточка.

Бабушка в Маше души не чаёт. Бабушка шалости все ей прощает. Бабушка Машу всегда защищает.

Стоит же внученьке чуть приболеть, на бабушку сил нет смотреть. Как она, бедная, переживает. Как ночью она очей не смыкает. Как бабушка места себе не находит. Как через минуту к Маше подходит. Как градусник ставит, как горько вздыхает, коль температура вверх уползает. Как молится тихо перед иконой. Кладёт поклоны, кладёт поклоны...

Почему же бабушку мы зовём рассказушкой? Потому что бабушка знает больше всех и историй грустных, и историй радостных, тех, что вызывают бесшабашный смех.

В голове у бабушки словно склад из сказочек. Прибауток, шуточек в голове не счесть. Но среди этих сказочек быль одна заветная — место заповедное и святое — есть.

Вспоминает бабушка фронтovou молодость. Как она девчонкою шла на смертный бой. За родную Родину. Землю нашу русскую. За свободу-волюшку. И за нас с тобой.

В гимнастёрке, в сапогах, с медицинской сумкою в руках. Совсем ещё детское личико. Солдаты её звали «сестричкою».

Первый день на фронте в памяти навсегда. Над памятью той не властны года.

Большая поляна. И старый солдат. И двадцать таких же сестричек-девчат. В лесу берёзовом, на закате розовом развертывают медсанбат.

Идут тяжёлые бои. Где фашисты, где свои — трудно понять. Раненых будет много. Раненых надо принять.

Старый солдат торопит девчат. Рубит берёзки старый солдат. Берёзки рубит — щепки летят.

Устал старый солдат, но не сдаётся, надо дров заготовить до захода солнца.

Кругом ночь, на поляне — день. Двадцать костров разгоняют тьму. Большая косматая тень будто корчится от страха в дыму.

Над кострами котелки. В них шприцы с иглами острыми. В лесу под открытым небом микробов убить не просто. Кругом тишина. Светит луна. Как змеи шипят, высыхая, сырые дрова.

Это в сорок пятом грянет победный салют. А в сорок первом сестрички шепчут: «Раненых везут». «Раненых везут», — на

губах застывает крик. «Раненых везут», — вторит солдат-старик. «Раненых везут», — над поляной эхом зависло. Потом будут победы под Москвой, Сталинградом, на Висле. Потом будет взят Берлин. Апока на всех крик один. «Раненых везут», — слышно там, слышно тут.

Раненых везли три дня. Кровью и болью плакала земля.

Двадцать сестричек не ели, не спали. Братьев, отцов вырывали у смерти из пасти. Если спасали — то счастье. Коль не могли спасти, последнее говорили: «Прости». Последний раз обнимали. В последний путь провожали.

Все сестрички сдюжили, три дня не спали, не ели. Девочки, любви ждущие, на смерть людскую смотрели. Волосы были чёрными. Волосы поседели.

Вот такую бабушку, бабушку-рассказушку, редко, но случается, Маша обижает. Погулять ей хочется, убежит от бабушки, когда та любимую внучку провожает.

Щи да каша Машеньке не по нраву-норову. Машеньке всё йогурты-чипсы подавай. Подавай ей «сникерсы», подавай ей «баунти», кока-колой чёрною сверху заливай.

То игрушки-куколки разбросает Машенька. Разбросает Машенька — убирать ей лень. Вот и ходит бабушка, как слуга за Ма-

шенькой, не присядет бабушка целый-целый день.

А недавно Машенька застыдилась бабушки, что совсем немодная кофточка на ней. Видит, что подруженьки у подъезда кружатся. И сказала бабушке: «Проходи скорей».

Глава шестая (белая)

СОН И ЯВЬ

УМаши аквариум. В нём, как водится, — водятся рыбки. Гуппешки снуют за стеклом, неончики строят свой дом, а сомик — нельзя и взглянуть без улыбки.

Рыбки на нас совсем не похожи. Ведь у них чешуя вместо кожи. Вместо ног — хвост. И маленький, маленький рост. Вместо рук — плавники. А на обед — червяки.

Пусть рыбки на нас совсем не похожи. Но всё же... Рыбки ведь тоже живут. Мальков своих растят-берегут. Колыбельные песни им на ночь поют. Лучший кусок отдают.

Живут себе рыбки и даже не знают, что иногда они умирают.

Сегодня в природе случилась беда, произошла ошибка. Тихо в аквариуме расступилась вода, наверх всплыла мертвая рыбка. Сегодня Маша поняла, как жизнь тонка, как жизнь хрупка, как всё на свете зыбко.

Вечер. И ночь. В ту ночь моя дочь очень поздно заснула. Снится ей сон. И так тяжёлый он, страшен, как пасть акулы.

Каркая, ворон кружит во сне. А на цветущей весенней земле — бабушка рядышком с Машей.

А ворон кружит, красно солнце застит... Вот уже солнца скрывается край... Бабушки рядышком нет... Бабушка, не умирай!

Бабушка-солнце, прости! Бог, жизнь мою забирай! Бабушка, не уходи, бабушка, не умирай! Бабушка, слышишь, не смей, мне без тебя рай не рай! Бабушка, не уходи, бабушка не умирай!

Ночь отошла прочь. День одолел ночь. Утром моя дочь бабушку ищет по дому... На кухню врывается Маша, теряя страх, сгоняя дрему.

Бабушка у окна, радостью, счастьем полна. Духовка раскалена. Бабушка так молода. От жара она раскраснелась. В свой старый халатик в горошек оделась. На противне пироги, их бабушка кисточкой с маслицем мажет. Маша стоит и молчит. Никак ничего от волнения не скажет. Тесто растёт на глазах на столе. Руки у бабушки в масле, в муке. Маше легко и спокойно стало. Долго те руки она целовала. 🍷